

Дело в Цзиньчэне было улажено быстро и чисто.

Се Мовэй прибыл лично, и те слабые отголоски скверны, что скопились в поместье Жун из-за обид и стечения обстоятельств, перед лицом его необозримой, словно море, духовной силы даже не шелохнулись — они были полностью очищены, не оставив после себя ни пылинки. Всё произошло настолько стремительно, что семейство Жун даже не успело принять подобающе торжественный вид, чтобы выразить свою благодарность, как всё уже закончилось.

Изгнав зло, Се Мовэй не задержался ни на миг. Он даже не взглянул на богатые дары, которые с трепетом поднес глава дома Жун. Бросив лишь холодное: — Скверна очищена, берегите себя, — он развернулся, собираясь уйти.

Однако по пятам за ним следовала огромная, живая неприятность.

Стоило Жун Му (королю Мэй) увидеть, что Се Мовэй уходит, как он тут же, словно кот, которому наступили на хвост, забыл о притворстве и слабости. Одним рывком он бросился вперед и намертво вцепился в рукав Се Мовэя. Слезы брызнули из его глаз, и он завыл, захлебываясь рыданиями:

— Бессмертный господин! Вы не можете меня бросить! Если вы уйдете, они точно снова начнут меня обижать! Мои раны еще не зажили, я погибну в этих краях! Вы же обещали, что заберете меня с собой!

Лица присутствующих из семейства Жун то бледнели, то синели. Глядя на этого бесстыдного бывшего законного сына, они мечтали лишь о том, чтобы тот провалился сквозь землю. Но в присутствии Бессмертного господина никто не смел и пикнуть.

Се Мовэй слегка замедлил шаг и скосил взгляд на лицо Жун Му — умытое, но по-прежнему изможденное и жалкое, а также на глаза, в которых сейчас читались лишь наглость и навязчивость. В глубине души он ощутил едва уловимое раздражение, но в итоге не произнес ни слова, молчаливо позволив этому банному листу следовать за собой.

Выйдя из поместья и добравшись до коновязи за городом, они столкнулись с проблемой.

Се Мовэй не любил пышных выездов и прибыл на одном белоснежном, статном духовном скакуне. Теперь же появился лишний груз.

Се Мовэй легко, словно небожитель, взлетел в седло. Свысока глядя на Жун Му, который стоял внизу, задрав голову и с мольбой во взоре глядя на него, он произнес бесстрастным тоном:

— Ты. Следуй следом самостоятельно.

Самостоятельно? Король Мэй мысленно усмехнулся. Добраться из Цзиньчэна до пика Цзюэцин с таким-то телом? Боюсь, по дороге меня разорвут дикие псы! Хочешь избавиться от меня? Не выйдет!

Он тут же замотал головой, словно болванчик, состряпал самое жалкое выражение лица и проговорил дрожащим голосом:

— Бессмертный господин... я... мои раны не зажили, все тело болит, я не могу идти... к тому же... к тому же мне страшно... в этой глуши, а вдруг снова духи...

С этими словами он для убедительности вздрогнул, будто и впрямь был напуган собственными фантазиями.

Пальцы Се Мовэя, сжимавшие поводья, едва заметно напряглись. Он молча смотрел на Жун Му, взвешивая, можно ли оставить эту обузу здесь.

В сердце короля Мэй зазвенели тревожные колокола, и он решил пойти ва-банк, продолжив свою безумную тираду:

— Бессмертный господин! Вы не можете меня бросить! Если меня утащат волки, я даже после смерти буду каждую ночь приходить к вам в гости! Или... или я сейчас обниму ногу лошади, и если вы меня не возьмете, пусть она волочит меня за собой! Я все равно долго не протяну, у-у-у... — он сделал вид, что собирается броситься к копытам животного.

Духовный конь, казалось, обладал разумом: он нетерпеливо фыркнул и ударил копытом о землю.

Се Мовэй едва заметно нахмурился, утомленный этим бесконечным препирательством. Он холодно бросил:

— Залезай.

Король Мэй ликовал, но на лице сохранил выражение глубочайшей благодарности, словно дарованный шанс на спасение. Он неуклюже, кряхтя и постанывая, полез на лошадь. Он намеренно медлил, притворяясь слабым и беспомощным, пока Се Мовэй, не выдержав, не подтолкнул его мягкой волной духовной силы. Только тогда, издав громкое ой, он вскарабкался в седло и уселся позади Се Мовэя.

Места было мало, и они неизбежно оказались прижаты друг к другу. Чистый, холодный аромат кедра с легкими нотками лекарственных трав окутал короля Мэй. Это был уникальный запах Се Мовэя, до боли знакомый ему по прошлой жизни. Сейчас, вдыхая его, он испытывал целую бурю чувств: ненависть, обиду и странный, невыразимый трепет.

Однако он тут же подавил эти неуместные эмоции и перешел к следующему этапу плана.

Конь перешел на рысь, двигаясь плавно и быстро. Ветер свистел в ушах, пейзажи стремительно проносились мимо.

— Ой! — с преувеличенным испугом воскликнул король Мэй и, подобно утопающему,

ухватившемуся за спасательный круг, вцепился обеими руками в пояс Се Мовэя, прижавшись всей грудью к его прямой, словно сосна, спине.

Тело Се Мовэя внезапно напряглось! Его аура мгновенно стала ледяной, как в трескучий мороз! Почти инстинктивно он хотел применить духовную силу, чтобы сбросить этого наглеца!

Обнял! Ха-ха! Король Мэй торжествовал, хотя на лице его застыло выражение ужаса и беспомощности. Ах ты, притворщик, Се Мовэй! С такой ледяной рожей, а кто знает, что у тебя на уме? Если такой смелый, сбрось меня!

Чувствуя скованность Се Мовэя и исходящий от него холод, он лишь усмехнулся про себя и обнял его еще крепче, продолжая причитать:

— Бессмертный господин! Бессмертный господин, помедленнее! Слишком высоко! Слишком быстро! Мне страшно! Я сейчас упаду! Вы должны держать меня крепче!

При этом он намеренно терся лицом о ткань одежды на спине Се Мовэя, ощущая ее тонкую текстуру и напряженные мышцы под ней.

Костяшки пальцев Се Мовэя, сжимавших поводья, побелели. Он отчетливо чувствовал тепло тела сидящего позади человека и силу юношеских рук, обхвативших его пояс. Столь тесный контакт вызывал у него крайнее отвращение и даже редкое для него желание убить.

Однако железные правила ордена гласили: не причинять вреда смертным без веской причины. А этот человек, как бы безумен он ни был, на данный момент — не имеющий сил смертный юноша, только что переживший потрясение. Если он применит силу, то нарушит устав и навлечет на себя кармические последствия.

К черту ваши правила! Король Мэй словно читал его мысли и насмехался еще сильнее. Я знал, что ты, лицемер, будешь строить из себя святошу! Сегодня я выведу тебя из себя! Посмотрим, сколько ты еще продержишься!

Он начал новую волну словесных атак:

— Бессмертный господин, от вас так вкусно пахнет... лучше, чем от пудры самых красивых девиц из павильона Пьяного бессмертного... — проговорил он нарочито невинным тоном.

Холод вокруг Се Мовэя стал еще гуще.

— Бессмертный господин, у вас такая тонкая талия... обнимать вас одно удовольствие... — он зашел еще дальше и слегка сжал его бок.

Спереди слышался едва уловимый звук, похожий на скрежет зубов.

— Бессмертный господин, почему вы молчите? Неужели вам тоже нравится, что я вас обнимаю? Я так и знал, что вы добрейшей души человек с холодным лицом!

С холодным лицом, но доброй душой? Тьфу! Лицо холодное, а сердце — еще холоднее! — думал король Мэй, продолжая нести чепуху и безумно насмехаясь про себя. Се Мовэй, ты сейчас хочешь прихлопнуть меня одной ладонью? Жаль, жаль, тебе придется терпеть! Ха-ха-ха!

Так он и ехал всю дорогу, обнимая его и болтая всякий бред, то вскрикивая от «страха», то «искренне» рассыпаясь в похвалах, доводя свое бесстыдство и безумие до совершенства. Каждое слово, каждое движение были тщательно выверенной провокацией, испытывающей терпение Се Мовэя на прочность.

А Се Мовэй до самого конца не произнес ни слова. Он лишь держал спину прямо, глядя вперед и позволяя этому человеку, словно осьминогу, висеть на себе, словно он был не живым человеком, а бесчувственной каменной статуей. Лишь плотно сжатые тонкие губы и невыносимо тяжелая давящая атмосфера выдавали то, что внутри него бушевала вовсе не тишина.

Один внешне был ледяным и молчаливым, но в душе испытывал жгучее раздражение, мечтая поскорее избавиться от обузы.

Другой внешне был безумным и навязчивым, но в душе холодно строил планы, поклявшись не отпустить свою цель.

Эта странная пара на одной лошади, переплетаясь в молчании и безумной болтовне, отправилась в обратный путь к пику Цзюэцин. Дорога предстояла долгая, и это безмолвное противостояние только начиналось.

Король Мэй уткнулся лицом в спину Се Мовэя, вдыхая холодный аромат, и в его глазах вспыхнул огонек решимости.

Се Мовэй, это только начало. Думаешь избавиться от меня? Мечтай.

Я не только буду висеть на тебе, но и шаг за шагом вернусь к тебе, чтобы забрать все, что по праву принадлежит мне!

Заходящее солнце растянуло их тени, переплетая их в одну, словно предвещая запутанную и неразрывную связь в будущем.

<http://bllate.org/book/18805/1828734>